

Татьяна Белова

За нитью выбора

18+

Татьяна Белова

За нитью выбора

<https://litres.ru/73094568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ты простой попаданец - не истинная пара дракона, ни маг и ни могучий воин, то, как тебе выжить в мире, который весь пронизан магией? Да и попал ты не во дворец дракона, а в племя, живущее по заветам предков! Егору, обычному парню, попавшему из современной России в мир Стерии, пришлось воспринять его со всеми законами и традициями, забыв обо всём том, что было до этого. Но самое сложное – это сделать правильный выбор между своими амбициями и чувствами, ставшего близким человека. Ведь любой выбор тянет за собой нить непредсказуемых событий.

Татьяна Белова

За нитью выбора

I часть.

Вереславль

1 глава.

Я иду домой.

Дойти до заката.

Шаг... Ещё шаг... И ещё...

Ноги не чувствую. Они как колоды, но, почему-то до сих пор идут. Руки свело, но пальцы продолжают цепляться за ношу, что у меня на спине. Мне очень тяжело, но я не должна об этом думать. Во рту вкус крови. Сквозь красную пелену, вглядываюсь в следующую веку моего перемещения.

Мне надо дойти до старой, расщеплённой молнией, сосны. И дальше. Дойти самой и донести своего Яхра.

Вскидывающим движением, поправляю на спине бессознательное тело парня. Он связан со мной магической нитью выбора, и я не могу его бросить, даже мёртвого. Без него племя меня не примет. Без него, я, и сама мертва, даже если пока дышу и иду.

Наш род – род воителей и охотников, живущий по своим устоям. Мы молимся своим богам. И боги нас защищают.

Наши маги смогли договориться с духами леса, реки, воздуха, земли и они нам не вредят. Вот только последнее время, со стороны гор, к нам стали проникать чужеродные сущности, и охотник, заночевавший в лесу, мог потерять себя и принести в своём теле, прямо в городище, тёмного подселенца-колдуна.

Такое уже было. И люди погибли, и шаманы долго камлали перед идолами богов, испрашивая совета. Что боги им ответили, мы не знаем, но в лес, после заката мы, теперь, не ходим.

И мне, обязательно, надо успеть дойти засветло, хотя бы показаться из-за поворота дороги. Если солнце сядет раньше, чем я дойду, то племя меня не примет, опасаясь тёмных магических подселенцев в наших телах.

Утро.

Шаг. Ещё шаг. И ещё...

Вот и сосна. Главное не останавливаться, не сбивать ритм. Теперь иду до валуна, похожего на огромную конскую голову.

Перед глазами утро сегодняшнего дня. Шаману, Большой зуб, было видение, что на ближайшую к нам скалу прилетит дракон. Камни, на которые садится зверь, становятся магическими и нас, двоих, связанных нитью выбора, отправили за ними.

Мы радовались, потому что никогда не видели дракона. Задание лёгкое, за день вполне выполнимое. Мы вышли, ко-

гда только начало светать. Яхр нёс запас воды, я – сушёное мясо для перекуса. У каждого – лук и колчан со стрелами, охотничий нож и верёвка. Большой зуб, для разбивания камня, выдал Яхру железное рубило.

– Оно заговорённое. Не потеряйте! – сказал шаман.

Нам, в ожидании дракона, предстояло лежать на камнях, поэтому, мы взяли с собой лёгкие и тёплые шкуры боберков, приторочив их к туесам за спиной.

– Запомните, – наставлял нас Большой зуб. – Ждёте до часа Солнца пчелы – это когда, ваша тень станет на ладонь больше полуденной, потом уходите, даже если зверь не прилетит. Иначе не успеете вернуться.

И вот, я несу на себе Яхра, собранные нами камни, нож, рубило и боберковые шкуры, которые, сейчас, не кажутся мне такими уж лёгкими.

Дракон

Шаг. Ещё шаг. И ещё...

Яхр уже давно не шевелится и даже не стонет. Он умрёт, я донесу его тело и буду жить во вдовьем доме, даже не став женой.

Но об этом буду думать потом...

Дракон прилетел утром. Он был золотой. Мы только успели расстелить шкуры и расположиться за валуном, как увидели в небе второе солнце, летящее прямо на нас. Страшно, однако! Зверь, подлетев вплотную, взмахами крыльев, поднял облако каменной крошки и опустился на карниз скаль-

ной площадки. Камни горной породы, за которые дракон зацепился, постепенно становились разноцветными, и мы радовались, тому, что шаманы смогут сделать новые защитные обереги.

Зверь подёрнулся маревом и превратился в молодого мужчину. Он был очень красивым: сильным, высоким, с тёмными волнистыми волосами и синими глазами. Странная голубая одежда обтягивала его всего, подчёркивая мышцы на руках и ногах, и мощный мускулистый торс.

Я невольно покосилась на Яхра. Он считался самым красивым парнем в племени, но по сравнению с человеком – драконом был маленьким, худеньким и каким-то блёклым.

Яхр правильно понял мой взгляд и нахмурился.

Навстречу дракону прямо из скалы вышел огромный горный тролль.

Мы, удивились – как это его, ни я, ни Яхр, не заметили? Ведь он огромный, как скала.

О чём говорили эти два нечеловека, мы не понимали, но когда дракон повернулся к валуну, за которым мы лежали и показал на него рукой, то поняли, что про нас знают. По спине пробежали мурашки, из живота поднималась паника. Бежать? Куда? Мы за валуном на узком уступе горы. Значит, будем драться.

Яхр, взял меня за руку и крепко сжал. Первый раз, со времени связавшего нас выбора. Я, вдруг, успокоилась.

И всё-таки – он лучший, предназначенный мне мужчина!

Нечеловеки ещё немного поговорили и тролль поклонился. Дракон ответил лёгким кивком головы, повернулся и вдруг прыгнул в пропасть.

Я вскрикнула, но через мгновение, в небо взлетел золотой зверь. Он, словно разглядывая нас, немного повисел над валуном, за которым мы прятались, потом взмахнул крыльями, и в рассветную сторону полетело второе солнце.

– Люди, ничего не бойтесь! Мы с вами! – прозвучал в голове приятный мужской голос, и почему-то стало легко и радостно.

Кристаллы.

Шаг... Ещё шаг... И ещё.

Вот и «конская голова». Почему я до сих пор иду? Словно что-то поддерживает меня и толкает вперёд. Может напутствие дракона?

Я представляю свой дальнейший путь и назначаю кострище под старым дубом следующей вехой своего движения. Дальше тропа поворачивает на городище. Дойду до поворота – значит, буду жить.

... Тролль шёл к нам. Сдаваться без боя – не в традициях нашего племени и мы, откинув луки, взяли поудобнее ножи и встали навстречу своей смерти. Нас связала нить выбора, нам жить вместе и умирать вместе.

Тролль остановился в шаге от нас и, подняв руки, прогудел:

– Не обижу. Дракон велел вам помочь.

Он подошёл к карнизу, который переливался всеми цветами радуги, и присев на корточки стукнул по нему кулачищем. Под ногами дрогнули скалы. Мы видели, как по камню пошли трещины. Ещё чуть и они осыпятся вниз.

– Собирайте быстрее, – рявкнул на нас тролль.

Мы, благодаря духов за помощь, бросились собирать радужный кристалл. Ползая на коленях и обдирая в кровь пальцы, помнили, что важен даже самый маленький кусочек. Большие осколки – для защиты поселений племени, а маленькие – для каждого человека.

Из туесов было всё выброшено, и когда они почти полностью заполнились осколками радужного кристалла, Яхр заметил на скале ещё один особенно яркий камень. Улетая, дракон, чиркнул по этому месту крылом. Разноцветный сверкающий кристалл был вкраплением в скале, в нескольких шагах от нас, и к нему надо ползти над пропастью.

– Жаль, – подумала я, – не достанем. Сильный бы получился оберег.

Яхр, словно услышав мои мысли, схватил верёвку, обвязался ею и второй конец отдал мне.

– Итак, много набрали, – попыталась я остановить Яхра. – Не ходи, опасно.

– Ну, ты же меня поймашь! – и он улыбнулся, так открыто, что моё девчачье сердце дрогнуло. Я, конечно, сильная, но смогу ли удержать парня? Пропустив через плечи, по спине, второй конец верёвки, я его привязала к себе. Нашла

крепкий камень и села, уперевшись ногами. Не знаю – удержу ли, но падение замедлю.

Троль шагнул к нам и прогудел:

– Жадные люди, оставьте кристалл горе!

Но Яхр упрямо тряхнул головой:

– Я его достану. Такой камень нам самим нужен.

Он шёл, распластавшись по скале всем телом. Не имея возможности посмотреть под ноги, ступнёй нащупывал опору, цеплялся пальцами за крошечные выступы и медленно продвигался вперёд. Я смотрела на него, не дыша, перебирала пальцами, медленно отпуская за ним верёвку, и понимала, что если бы – не пошёл он, то пошла бы я. Уж очень ценен этот сияющий камень.

Шаг ... Ещё шаг... И ещё..

Прошла мимо кострища. Осталось дойти до поворота. Я чувствую, что не дойду, но знаю, что дойти надо.

В ушах звенит, в глазах темно. Откуда – то снизу поднимается тошнота. Я, наверное, надорвалась. Не родятся мои дети, но об этом сейчас думать не буду.

Дойти надо, даже на последнем издыхании, чтобы злобной нежитью не кружить вокруг родового городища....

Улыбка на краю пропасти.

...Яхр сунул кристалл за пазуху и, оглянувшись на меня, улыбнулся.

Эта улыбка стоила нам жизни.

Я увидела, как между скалой и телом Яхра, вдруг, появил-

ся просвет, который медленно, но неотвратно расширялся. Соскользнули со скалы пальцы, оставив на камнях кровавые ошметки кожи, и Яхр закрутил в воздухе руками, пытаясь уравновесить себя.

Он падал в пропасть. Его лицо было по-детски удивлённое, и лишь когда ноги потеряли опору, Яхр закричал. Я изо всех сил вцепилась в верёвку, и упёрлась ногами в скалу. Я не отпустила, но, когда он, где-то там, глубоко внизу, со всего маха врезался в каменную стену, меня потащило следом.

Троль оказался милосердным и ловким. Он поймал меня и, перехватив верёвку, вытянул парня из пропасти.

Яхр, сломанной куклой, лежал на карнизе скалы и судорожно дышал.

– Мне надо его донести до поселения, – сказала я, то ли себе, то ли троллю.

– Он скоро умрёт, – троль покачал головой, но, увидев упрямое выражение моего лица, сказал:

– Я помогу спустить его вниз.

Троль

– Всё не унесу, – рассуждала я, уже стоя у подножия горы. – Оставлю луки и стрелы, руки всё равно заняты будут. Оставлю нож Яхра, воду и еду. Одной верёвкой привяжу к себе Яхра, другую оставлю. А вот камни возьму все. Да, ещё рубило, его нельзя бросить, и боберковые шкуры, вдруг, всё-таки, в лесу ночевать придётся.

– Оставайся человечка со мной, – вдруг прогудел троль.–

Ты красивая, будешь моей женой. Это здесь я – тролль, а там, в горе – мужчина.

Я очень удивилась предложению тролля, но обижать его не хотелось и, запрокинув голову, чтобы увидеть глаза великана спросила:

– Как тебя зовут?

– Чегодай.

– Я подумаю Чегодай. К этому парню у меня привязка выбора. Умрёт он, умру и я. Привязку надо снять. Сделать это могут только наши семьи.

– Если не дойдёшь до темноты, и племя выгонит вас, приходи назад. В горе ваша родовая магия не действует. Буду ждать тебя.

– Спасибо, Чегодай. Тогда приду, – сказала я тихо, зная, что никогда не променяю лес, на каменные пещеры тролля.

Он, понимая, что я лгу, вздохнул.

– Вот возьми, – тролль протянул мне золотой медальон на тонкой цепочке. – Император велел отдать вашему шаману. Тот знает, что с этим делать.

Это была красивая изящная вещь, тонкой работы. Мастер умело сплёл нити белого и жёлтого металла в узор, похожий на цветок. В середине сиял радужный кристалл. Понятно, что это – какой-то магический артефакт.

Я посмотрела на свои ободранные пальцы с обломанными ногтями и подумала, что такая красота не для меня, и не повесила медальон на шею, а завернув в лист лопуха, спрятала

за пазуху.

Троль поднял ближайший камень. Под ним оказалась маленькая пещера, туда я и сложила то, что не возьму с собой. Рубило я привязала к Яхру, нож повесила себе на шею, туеса с камнями приторочила к своему же поясу. Встав на колени перед Яхром, думала – как же его водрузить на себя.

– Давай помогу, – прогудел Чегодай.

Троль приподнял его, а я, не забыв закрепить верёвку у Яхра на спине, пролезла под парня, перекинула его руки на плечи и привязала к себе. Попыталась встать, но не смогла, тяжело очень.

– Зачем я это делаю? – буркнул троль и поставил меня, вместе со всей ношей, на ноги.

Он осторожно и медленно отпустил нас. Мне показалось, что от тяжести, рухнувшей на меня, я провалилась в землю по колено. Скрипнула спина, дрогнули ноги.

– Прости, дальше помогать не смогу, земля меня не держит, – прогудел троль.

– Я сильная, я дойду, – подумала я, но как тяжело было сделать первый шаг, потом ещё, и ещё.

Стиснув зубы, я побрела домой.

Я слышала, как Чегодай, стоя на валуне, опустился на колени, протянул руку к земле и сказал:

– Земля, помоги человечке. Эти люди нужны Императору.

И в этот момент мне словно подпорки подставили. Нет, ношу не облегчили, но меня поддержали. И я пошла, отсчи-

тывая вежи: ручей, заросли чернаягоды, поваренная берза... конская голова, кострище, поворот.

Шаг.... Ещё шаг.... И ещё...

Я вышла из-за поворота. Надо пройти ещё немного. Дорога слилась в сплошную серо-коричневую ленту. Только бы камень не попался под ноги. Если упаду, то не встану.

В поселении меня уже должно быть видно. Но всё равно, останавливаться пока нельзя, надо идти. Шаг.., ещё шаг... и я скорее почувствовала, чем увидела и услышала, что к нам из поселения бегут. Остановилась, с трудом выпрямилась и, увидела, как красный блин солнца, краем, касается ограды, подумала:

– Хорошо, что дракон прилетел утром! Успели! – и упала в темноту бессознательности.

2 глава

Межвременье

Путь из прошлого.

– Мама, мама! Смотри у меня кровь! – кричала я, показывая испачканный подол рубахи.

Мне тринадцать лет и я счастлива! Наконец – то взрослая! Наконец-то меня возьмут в ратный дом, и я буду учиться воевать. Пусть теперь вышивают, прядут и вяжут младшенькие, а то, только гусей и могут пасти.

Мама, всплеснув руками, бросила квашню и обняла меня, прижавшись носом к моей макушке. Эта ласка, была столь неожиданной, что даже, выглянувшие с палатей, младшие

братик и сестрёнка удивились.

– Тише, девочка моя, тише! – шептала мама, – А то Щур услышит и не отпустит тебя из семьи.

Стало страшно. Я оглянулась на угол избы, где под рушником хранился наш семейный бог. Младшие, округлив глаза, спрятались за полог – все помнили рассказы бабушки о том, как Щур утаскивал под пол тех, кто не уважал семейный уклад.

Отец крикнул, хлопнул по колену ладонью, взял с лавки лоскутное одеяло, накинул его на меня и, с головой закутав по рукам и ногам, понёс из избы.

Мама, знала, что теперь не скоро меня увидит, и ей, конечно, хотелось приголубить повзрослевшую дочь, но помня про Щура, она твёрдым голосом сказала вслед нам:

– Кима, дочка, иди, дай козам воды, потом подоишь их и уберёшь за ними.

– Ага, к козам меня несут, – подумала я. – Это хорошо! Там тепло. Да и молоко оставят мне. Так, что голодная не буду.

Козы медленно жевали траву, искоса поглядывая на меня, и даже не подозревали, что три дня им придётся делить со мной свою клеть. Потом придут старейшины, выкупят меня у семьи, и я буду жить в женском ратном доме.

Дорога в ратный дом

В нашем племени все обучаются воинской науке. Мальчик уходит в мужской ратный дом в одиннадцать лет, а де-

вочка – в женский ратный дом, когда уронит первую кровь. Считается, что именно с этого момента к ней притекает сила её предков.

Старейшины пришли за мной на рассвете третьего дня. Отдали родителям выкуп, закутанную с головой вывели со двора, и лишь за воротами, сняв с меня бабушкино лоскутное одеяло, бросили его к порогу родительского дома. В новую жизнь я пошла лишь в том, во что была одета. Щур так и не узнал, как уводят из семьи его далёкую правнучку.

В те давние времена, когда драконы, создавали новый мир, люди были суровые, и не смотрели на то – кто ты: женщина или мужчина и сколько тебе лет. Все шли и защищали свой дом, в котором твои боги, твои дети и твои старые родители. С тех пор и повелось обучение отроков в ратных домах.

В ратном доме мы все сёстры. У каждой своя лавка, под которую можно поставить короб с личными вещами и одеждой. Сам дом большой, двухэтажный, сложен из ошкуренных стволов молодых криаров (они достаточно толстые и не гниют). На нижнем этаже живут ратницы – первого и второго года, вожатые и женщины по хозяйству и кухне (из одиноких вдов). На втором этаже – взрослые опытные ратницы. Этажи не отличаются устройством и удобствами, но на втором есть оружейная комната. Каждая из нас, с закрытыми глазами, найдёт в оружейке свой лук, пращу и нож.

Мы часто занимались вместе с парнями. Бегали, прыга-

ли, металы дэротыкы, стрелялы из луков, учылысь перавязыват раны, осваывалы простыя целительныя и оборонительныя заклинания. Иногда нас ставылы в пары для отработки навыков рукопашнаго боя. Да, мальчыкы, конечно сильней, но девчонкы превосходят их в вёрткости и хитросты. Сывовыя упражненья, бой на топорах и мечах – это для парней. Девчачьи занятия – это развитие меткости, гибкости женскаго ума и тела: маскировка на местности, разгадывание запутаных зверыных и людских следов, запахов и звуков леса. Из мальчыков готыват бойцов, из девчонек лазутчыков.

В ночь Малой Луны, многы из старшых дев, будут привязаны магическымы нитымы выбора к парням из мужскаго дома, а по осени, после Дня равных Солнца и Луны, разъедутся по домам будущих мужей, чтобы через год стать женой того, кого тебе предназначыл выбор предков.

Мы – племя леса.

Моё племя – листИвичы, прышло с севера, после последней большой войны. Увидев эту горно-лесистую местность, очень похожую на их родину, старейшыны решили, что именно здесь осядут все три нашы рода: род Белого Кабана, род Чёрной Росомахи и род Серой Щуки. Шаманы, в ночи, разожгли костёр и устроылы большое камлание, чтобы примириться с местнымы богами.

Старыя люди рассказывають, а оны слышлы от своих прапрадедов, а те от своих прапрадедов, что к этому костру, под глухой звук бубнов и протяжные завывания шаманов,

стали собираться местные боги и духи. Они были сердитые, и их главный бог грозил всем огромной дубиной. Ветер, в небе, закручивая облака в клубящиеся воронки, бросал их на землю молниями. Люди, прижавшись, друг к другу плечами, встали тесным кругом вокруг костра и мерно, но уверенно раскачиваясь, запели поминальную песню своего народа.

« Мы дети леса, мы дети гор.

Болота дети и озёр.

Нет нам покоя.

Где наш порог?

Прими к себе нас,

О, грозный бог!»

Старейшины, в знак добровольной жертвы, бросали в костёр принесённое с собой добро: украшения, одежду, оружие, еду. Говорят, что это стояние длилось всю ночь. Лишь, когда огонь, пожрал кусок последней лепёшки, боги смиловались. Грянул гром, облака развеялись и боги, один за другим ушли в свои хоромы. Последним уходил бог Грозы. Он уже не размахивал своей дубиной и, напоследок, бросил перед шаманом горсть разноцветных камней. Так моё племя начинало жить на новом месте. Потом люди узнали, что это – Крайний лес у Радужных гор, в стране Стерии.

Предки смогли подружиться с местными духами стихий и те, подсказали, где лучше устроить поселения.

Щуки, спустились к реке и расположились вдоль берега. Помимо жилых домов обустроили сараи для лодок и стойки

для сушки сетей. Они снабжают всё племя рыбой.

Кабаны ушли дальше всех и для своего поселения выбрали опушку леса. Построили избы и амбары. Они занимаются подсечным земледелием, и племя вдоволь получает крупу и овощи.

Мы же, Чёрные Росомахи, выбрали плоскую вершину, хоть и небольшой, но всё-таки горы. С одной стороны она обрывалась скалой и была неприступна, с другой шёл пологий склон. Предки огородили посёлок тыном, а над воротами поставили сторожевую башню, с которой хорошо просматривается дорога и ближайший лес. Назвали поселение Вереславлем, говорят – так называлось место, откуда пришло моё племя. Род Росомахи даёт племени дичь, меха. Кроме жилых и ратных домов, устроены схроны с зерном, вяленным мясом и сушёной рыбой, ведь случись война, и под наши крыши соберутся все люди племени.

Главная забота моего рода – охрана всех трёх поселений.

Ночь предков

.... Мне – двадцать лет и я, уже пять лет, живу на втором этаже женского дома. Я – лучший стрелок из лука, ловко владею ножом и умею вывернуться из любого захвата. Могу бесшумно пройти по самому сухому лесу, не задев ни одного сучка, а могу целый день лежать, не шевелясь, спрятавшись под болотной кочкой, и ты пройдёшь мимо, не заметив меня. Я различаю голоса всех птиц и зверей нашего леса и болота, по едва видимой вмятине во мхе, могу узнать какое живот-

ное прошло, и животное ли это было. Все радуются, если с ними в дозор ставят меня.

Сегодня ночь Малой Луны, когда предки определяют для своих потомков брачный выбор и все, кому больше шестнадцати, идут на круг. Многие утром будут связаны нитью выбора. Это значит, что осенью, в день Равных Солнца и Луны, в ратных домах освободятся места. Связанные нитью разойдутся по семьям: девушки – в мужнины, парни – в женины, набираться ума – разума. В третий месяц весны, станут связанные нитью, мужем и женой, а в чью семью уйдут жить – так это старейшинам решать. Иногда даже в другой род уходят.

Я иду на круг уже в пятый раз. Нет для меня суженного! Четыре раза одна уходила из круга. Все смотрят на меня с жалостью. А я радуюсь! Не хочу я замуж. Хочу быть вожатой. Молодых учить и ходить во главе дозоров. Говорят, что такое бывает. Вот, если сегодня, ни с кем меня не свяжут, то утром переезжаю на первый этаж ратного дома, как вожатая!

Нить выбора

Парни и девушки сидят кругом на поляне Духов. В середине горит костёр. Где-то там, за ореховой рощей, веселятся те, кто ещё не дорос. Слышится смех и девчачьи повизгивания. Мы же сидим молча, бросая в огонь принесённые для предков угощения, и мысленно просим их, послать нам достойного мужа. Шаман тихо бьёт в бубен и что-то заунывно бормочет. Иногда, через пламя, пытаемся рассмотреть тех,

кто сидит супротив, но костёр красными отблесками пламени, сбивает нам обзор.

Знаю – все просят мужа, но не я. Я с первого раза, просила предков оставить меня в ратниках:

– Дедушка Щур, не выдай! Оставь меня в дружине. Пожалей внучку. Племени нужны хорошие воины. Мои руки ловки, мои глаза остры, мои ноги сильны. Оставьте, предки, меня дозорам.

Шаман бросает в костёр осколок радужного камня, и вверх взлетает сноп огненных искр. Девчонки ахают и отодвигаются, я же подставляю жару ладони.

– Ну и что, что опалятся брови и ресницы. Эти искры – поцелуй предков, – думаю я и, подняв лицо к небу, шепчу, – Дедушка Щур, помоги.

Четыре раза предки меня слышали, и я уходила одинокая, но очень даже счастливая. И кажется мне, что в бубнении шамана слышится голос бога моей семьи:

– Ты достойная дочь своего народа. Ты достойна лучшего. Взметнувшиеся к небу искры сплетаются в тонкую огненную нить. Почему только одну? Их всегда много было! Девушки, волнуясь, увидели, как один её конец спустился на сторону парней и к кому-то привязался. Все замерли. Кто там, и кого из девушек привяжет? Огненная нить – нить выбора предков, закручиваясь, спускалась нам на головы. Ещё чуть-чуть, и она потянулась... ко мне!

Я закричала:

– Нет, я не хочу! Отстаньте от меня, отпустите меня!

Я пыталась её оттолкнуть, оторвать, убежать от неё, но она упорно обвивала мою талию.

– Киму! Кимку привязали! – слышались голоса.

Я оглянулась. Люди вокруг начали смеяться. Многие девочки смотрели на меня зло – единственная нить этой ночи досталась мне. Я нашла глазами маму. Её осуждающий взгляд привёл меня в чувство.

– Это воля предков, покорись! – подумала я и пошла к шаману. Нить выбора вспыхнула искрами и истаяла в свете костра, но она, теперь невидимая, навсегда осталась с нами.

Рядом с шаманом стоял парень. Славный парень – смелый, сильный, ловкий. Да ещё и самый красивый в нашем племени. Предки постарались – привязали меня к лучшему!

Рядом с шаманом стоял Яхр... .

– Яхр, мой Яхр! Ты, жив! – закричала я, увидела, как закружилась поляна и открыла глаза.

3 глава

Возвращение.

Я вернулась.

Лежу на лавке. По резкому запаху, понимаю, что завернута в шкуру росوماхи. Взгляд упирается в балку прокопчённого потолка, перемещается на, подвязанные лубяной верёвкой, пучки трав. Высушенные грозди каких-то длинноногих грибов спускаются по стенам. Между ними мелькают оранжево-коричневые кисти рябины. И среди всего этого – выют-

ся клубы дыма и пара, пахнувшие куриным супом.

Понимаю, что я в землянке знахарки Гурии.

– Откуда у неё курица? – думаю. – Это – лягушачий суп.

И понимаю, что очень хочу есть. И пить. А ещё очень хочу сесть, но не шевелится даже мизинец на руке. Собравшись с силами, сиплю:

– Что с Яхром?

Знахарка бросается ко мне:

– Очнулась милая! Вот и славно! Жить, значит, будешь!

Она наклоняется, приподнимает мне голову и прислоняет к губам чашку с водой. Я жадно пью, ощущая, как моё нутро заполняется живительной влагой. Откидываюсь назад и повторяю свой вопрос:

– Что с Яхром?

– Умер Яхр, – прошептала Гурия и отвернулась.

Я это знаю, поэтому не плачу. Просто расхотелось есть, пить и жить. С трудом повернувшись на бок, засыпаю.

... Мы бежим по ярко освещённой поляне. Яхр убегает, я его догоняю. Мы смеёмся. Он оглядывается и кричит:

– Эх ты! В вожатые хочешь, а сама меня, мёртвого, догнать не можешь!

Злюсь, прибавляю шаг, но поляна, вдруг резко обрывается и Яхр, взмахнув руками, падает в пропасть. Его рот перекошен криком, но звука не слышно.

Я не задумалась ни на мгновение и прыгнула за ним. Мне обязательно надо его догнать! Может, помогла нить, связав-

шая нас, но я летела быстрее, чем он, и догнала!

В момент, когда мои пальцы вцепились в плечи парня, из черноты пропасти вынырнул пурпурный дракон. Он подставил спину, и мы упали у него между крыльями. Зверь медленно кружился среди скал, набирая высоту.

Вылетев из пропасти, мы сразу оказались перед тыном поселения. Дракон сел на поляну и подождал, пока мы спустились на землю.

– Берегите себя деточки! – прорычал зверь, взмахнул крыльями и, подняв столб пыли, растаял в ней. . . .

Я проснулась, от того, что меня гладили по голове. Рядом со мной сидела мама.

– Деточка моя, Кима, – мама не плакала, но какая-то трещина в голосе, говорила о том, как она переживает.

Я, смогла сесть, мама меня обняла, осторожно прижав к себе. И тут на меня нахлынуло ощущение беды, случившейся со мной, и я зарыдала, уткнувшись носом в мамину грудь.

Вот ведь женская суть – ещё два месяца назад я не хотела замуж, а сегодня оплакиваю свою несостоявшуюся семью, свою невостребованную ласку к мужу, своих нерождённых детей. Мама, обнимая мои трясущиеся плечи, гладила меня по голове.

– Поплачь доченька, поплачь. Вечером отвязку делать будем. Яхровы согласились, – и, почувствовав, что я вздрогнула, добавила, – нельзя по-другому. Иначе умрёшь.

Весь день Гурия отпаивала меня молоком горных вимп, и,

читая надо мной заговоры, окуривала дымом чадящих трав. Я чувствовала, как ко мне возвращаются силы и даже дышать стало легче.

После полудня в землянку знахарки зашли старейшина Коклан и Большой Зуб. Они сначала шёпотом говорили о чём – то с Гурией, потом пригибаясь, подошли ко мне (в жилище знахарки никто не остаётся с гордо поднятой головой, все кланяются порогу, прокопчённым балкам и шкуре предка – Чёрной Росомахе).

– Ты настоящая дочь своего рода, – сказал Коклан. – Родители могут тобой гордиться.

– Скажи, ты дракона видела? – вставил шаман. – Какой он был?

– Золотой, – пропищала я и увидела, как обрадовался Большой зуб.

– Так, потом, потом, – перебила их Гурия. – У неё сегодня ещё отвязка. Дайте ей очуниться!

Это странное слово из речи старых людей, вызвало у меня улыбку. И я подумала, что мои желания не важны. Важно то, что нужно племени. Ему сейчас надо – чтобы я жила.

Ну, надо, значит надо! Буду жить. А может, просто, я мало люблю Яхра?

Усилиями знахарки, к вечеру я смогла сесть, встать, добрести до угла и, даже, сама справить нужду.

Отвязка.

Не должно быть магии разрушения в домах людей, и для

ритуала отвязки, за тыном поселения, был поставлен шатёр.

В час Границы ночи Гурия взяла факел:

– Вставай Кима. Пора! Идти тебе надо за своей вдовой долей.

Она помогла мне встать, обняв за талию, довела до шатра. В поселении стояла такая тишина, про которую говорят – «мёртвая». Все знали, что сегодня ночью совсем умрёт Яхр, умрёт наша несостоявшаяся семья и не будет продолжения рода в наших детях.

Что ждёт меня? Я буду жить на благо племени пустой кринкой. Для меня, теперь, нет места под родительской крышей. Пока молодая буду жить в женском ратном доме, а состарюсь – перейду во вдовый дом. Бывает, когда молодая семья берёт к себе одинокую старушку, и живёт она с ними, как родная бабушка. Но вряд ли это про меня.

Перед входом в шатёр Гурия разделась до повязки на бёдрах, совсем раздела меня, повесила нам на шеи по связке оберегов и бус, и мы шагнули за порог.

Шатёр освещался факелами. Их метущееся, от малейшего ветерка пламя, выхватывало из темноты лица пришедших на обряд женщин. И казалось, что это духи леса исполняют свой беспокойный танец.

Вот мои родные: мама, бабушка, младшая сестрёнка. Вот мать Яхра, вот его сестра и бабушка. Женщины раздетые донага сидят на шкурах, скрестив ноги. Их тела намазаны барсучьим жиром и блестят в свете факелов. Волосы, в знак по-

стигшего нас горя, распущены. На меня никто не смотрит, кто-то сглазить боится, кто-то боится получить от меня неведение.

В центре шатра лежит неподвижное тело Яхра. Даже жёлтый свет факелов не сглаживает его бледность. С нашего возвращения прошло пять дней, но тело парня тление не тронуло. Знаю, что шаман применил к нему заклинание схрона. Яхр гол, на нём нет ни единого оберега.

Я ложусь рядом, прижимаясь к нему всем телом, и обнимаю. Мои первые и последние объятия с мужчиной. Холод смерти медленно начинает проникать в меня. Кажется, что я уже дышу морозным паром.

Женщины начинают раскачиваться и петь заунывную прощальную песню. В ней нет слов, но тягучее грудное «ммммм», то тихое, то громкое вынимает душу и заставляет дрожать руки.

Гурия поджигает травы и окуривает: сначала нас, потом себя, потом всех остальных. Она воет и начинает свой страшный обрядовый танец. Знахарка кружится вокруг нас, высоко поднимая колени и широко расставляя ноги. Её руки, со скрюченными пальцами, словно сматывают невидимую нить, связывающую меня и Яхра. Нить, как будто вырывается и, в какой-то момент, закручивается у Гурии на шее. Знахарка, задыхаясь, падает на землю.

Женщины сцепляют руки и поднимают их вверх. Они похожи на ткацкий станок. Они ткут мою новую судьбу.

...Выбор предков,
Деву отпусти!
Нить прерви,
Судьбу переверни...

– Кима, – хрипит Гурия, – возьми уд Яхра в руки! Предки требуют!

Чтоооо? Это страшнее, чем ночевать в болоте.

Я, не дыша, шарю рукой внизу живота парня, нащупываю уд, и осторожно дотрагиваюсь до него кончиками пальцев.

– Быстрее, Кима! – Гурию еле слышно. – Не бойся, он не кусается.

– Да, что я, в самом деле! Хотя подержусь напоследок, – думаю я и с силой сжимаю то, что у меня под рукой.

Уд Яхра, вдруг, напрягается, с облегчением вдыхает Гурия, а моё ухо улавливает в груди у парня глухой удар сердца. Один, ещё один. Сердце человека, который умер пять дней назад, начинает биться.

– Яхр жив! – сначала шепчу я, а потом кричу, – Он жив! Жив!

Женщины сначала замолкают, а затем с визгом выскакивают из шатра.

Обряд остановлен.

Яхр – не Яхр?

– Ну, зачем они так визжат!? – подумал Егор, открывая глаза.

Именно эти невозможно высокие и громкие звуки жен-

ских глоток привели его в чувство. Они не просто визжали!

– Нежить! Нежить! – вопили бабы.

Через пару минут всё стихло. Откуда-то тянуло сыростью, и он почувствовал, как замёрз. Егор поёжился и понял, что лежит абсолютно голым. Хотел прикрыть промежность, но не смог пошевелить даже пальцем.

– Холодно, – с трудом разлепив губы, просипел он непонятно кому.

– Сейчас, сейчас, – вдруг из темноты помещения отозвался женский голос.

Между ним и тёмной глубиной помещения металась девушка. Она хватала с пола шкуры животных и накидывала их на него. От шкур шёл такой мерзкий запах, что Егора затошнило, но пытаясь рассмотреть свою помощницу, он, судорожно сглотнув, поборол тошноту и скосил глаза.

Девушка, явно, была молодая. Выше среднего роста. Тёмные волосы, несобранные в причёску, укрывали её почти до колен и при наклоне падали на лицо, из-за чего девчонка злилась, и откидывала назад непослушные пряди. Из одежды на ней были только бусы. Егор явно видел небольшие острые грудки, как лодочки, смотревшие в разные стороны.

– Хороша, только высоковата и мышцы по ней как канаты вьются, – подумал он и тут в помещение ввалился здоровенный мужик, в лохмотьях, в перьях, весь увешенный бусами.

– Шаман что ли? – подумал Егор, а вслух выругался, – Что за хрень происходит? Ты кто? И где я?

Мужик не обращая внимания на парня, схватил девчонку за руку:

– Ты с ним успела поговорить? – рявкнул он.

Она обречённо кивнула головой. Шаман швырнул её на Егора и закружил вокруг них, что-то бормоча и размахивая кривым посохом.

Удивительно, но девчонка не сопротивлялась. Она даже не плакала, а поджав голые ноги, сидела рядом с Егором.

Сделав несколько кругов вокруг их лежанки, шаман остановился у изголовья. Посохом сначала стукнул по голове девчонку, потом Егора.

– Больно, однако! – подумал парень и стал вспоминать, что читал об обрядах народов Севера.

– Может я к чукчам попал? Или к якутам? Или к коми, сету, веси?

Кто знает, о каких ещё малых народах он бы вспомнил, но шаман вдруг заговорил:

– Нет, ты не нежить! Но ты и не Яхр (девчонка охнула)! Я спросил предков. Они тебя не прогоняют, значит, нам надо тебя принять.

Шаман помолчал и спросил:

– Кто ты?

Не Яхр – Яхр? Кима.

В шатёр крадучись прошмыгнула Гурия. Она бросила мне сорочку:

– Прикройся, милая, – прошептала она и тихо села в углу.

Я, одеваясь, постаралась отодвинуться от чужака, хоть на чуть-чуть. Надо же – не Яхр! А так похож!

– Кто ты? – рявкнул шаман.

И парень заговорил.

– Зовут меня Егор. Вам как автобиографию в подробностях или кратко? – он пытался шутить, но посмотрел на гневное лицо шамана и решил, что будет серьёзен.

– Егором меня зовут. Я учился в Москве, в Бауманке на факультете Ракетно-космической техники. А родом я из Тамбова. Знаете Тамбов? Областной город в восьми часах езды от Москвы на поезде. У меня там бабуля осталась, и я на каникулах решил к ней махнуть. Автостопом. Наушники в уши и топаю. Люди не очень любят бесплатно работать, по доброте душевной, так сказать. Но в этот раз меня почти сразу подобрали. Тачила крутая была. «Крузак» и с тамбовскими номерами. Повезло!

Я слушала его и почти ничего не понимала. Он, вроде, на нашем языке говорит, но слова чужие.

– Кампания оказалась весёлая. Две девахи и мужик на заднем сидении щупали друг друга и ржали. Да водитель, такой же весельчак. Анекдоты травил и гнал на скорости самолёта. А мне-то что, быстрее доеду. Я только потом понял, что они обдолбанные. Мне бы выйти, но почему-то я этого не сделал. Дождь шёл, в машине тепло и сухо. Мы уже в Тамбовскую область въехали, когда машину занесло. Водитель матерился, выкручивая руль, но тачка не слушалась, на мокром-то

асфальте. Последнее что я помню – это бочина бензовоза, в который влетел крузак. Я не был пристёгнут, почему-то не сработала подушка безопасности, и я головой, со всего маха, жахнулся о лобовое стекло. Боль. Темнота.

Яхр помолчал и продолжил:

– Я не видел, но, наверное, всё загорелось. Вот лежу тут и думаю – почему я целый и живой. И, вообще странно всё это, – Яхр оглядел шатёр. – Словно я в прошлое попал или на фестиваль народного творчества.

Яхр замолчал и посмотрел на шамана. Большой Зуб стукнул о землю посохом и, почёсывая бороду, задумчиво изрёк:

– Из того, что ты тут наговорил, я понял только, что живёшь ты в городе, у тебя есть бабушка и ты ехал к ней. И что-то произошло с твоей головой.

– Ну, типа того.

– Ты из другого мира. Я знаю, что такое бывает. Иногда к нам, волею богов забрасывается человек извне. Зачем – никто не знает. Это происходит по-разному. Ты вот в тело Яхра попал, а это значит, что он умер.

Я, сдерживая крик, прикусила кулак. Шаман посмотрел на меня, на Гурию, нахмурился и продолжил:

– Никто в племени не должен знать, что ты чужой. Все должны думать, что ты Яхр. Не надо народ злить. Гурия, ты идёшь со мной к вождю и старейшинам, расскажешь, как всё было. Кима, ты остаёшься с парнем.

Увидев, что я вздрогнула, усмехнулся и добавил:

– Ты его притащила, тебе и расхлёбывать, – шаман то ли пошутил, то ли сказал серьёзно. – Да не бойся ты, он не кушается.

– Это я сегодня уже слышала, – подумала я, но с шаманом не поспоришь.

Гурия встала и протянула мне кувшин, который принесла с собой.

– Будешь поить его разбавленным вимповским молоком. Есть, пока, не давай.

Они ушли. Я, оставшись одна с этим неизвестным мне человеком, успокаивала себя мыслью о том, что всё в этом мире делается по воле богов и по наущению предков. А вдруг меня привязали к Яхру для того, чтобы я вынесла из чужого мира вот этого парня.

– Тебя ведь Кима зовут? – вдруг спросил Яхр-не-Яхр.

Я оглянулась и вдруг поняла, что у него другие глаза! У Яхра были тёмные, а у этого голубые.

– Дай мне, пожалуйста, попить! – продолжил парень.

Я, с трудом сдерживая дрожь, приподняв, и придерживая ему голову, поднесла к его губам плошку с молоком вимп.

Яхр-не-Яхр понюхал, поморщился, отхлебнул и начал пить.

– Значит, будет жить, – почему-то подумала я.

Занимался рассвет, когда в шатёр зашли старшие: оба шамана поселения, знахарка Гурия, старейшина Коклан и дружинный вождь Дрозар. Они зашли, тихо зашуршав пологом

палатки, словно боясь спугнуть правду, которую принесли с собой. Долго, молча, стояли и смотрели на Яхра.

– Эх, какой воин пропал! – в сердцах сказал Дрозар, сожалея о моём погибшем суженном. – Кто знает, что умеет этот человек?

Яхр-не-Яхр вздрогнул и попытался за себя заступиться.

– Я много что умею! И драться, кстати, тоже умею.

– Не нужен нам драчун, нам воин нужен, – проворчал Дрозар.

– Ладно, что тут попусту болтать, всё решено, – начал Коклан.

Было понятно, что это – последнее слово, как он скажет, так и будет.

– Мы оставляем тебя в племени, но ты должен забыть тот мир и научиться нашему. Поможет тебе в этом Кима!

Коклан строго посмотрел на меня. Сердце моё ушло в пятки, я уже понимала, что меня ждёт.

– Вас поселят в опустевшей избе вдовы Селисы. Ты будешь его выхаживать, а заодно всему научишь. Через две недели он должен знать, что делать и как говорить. Раз отвязка не случилась, то вы осенью поженитесь.

– Племени скажем, что ты – Яхр, – продолжил Большой зуб. – Ты не умер, а был между двумя мирами, а сильная привязка к Киме, тебя оттуда вытащила. И все запомните! Он – Яхр! Ты согласен?

Парень поспешно закивал головой. Моего согласия никто

не спросил!

Так не Яхр стал Яхром.

Мама

Нас до заката продержали в шатре. Мы совсем не разговаривали. Пили вимповское молоко и воду, и спали в разных углах, кутаясь в шкуры. Вечером нам принесли одежду, и я, подставив плечо, повела этого нового Яхра в дом Селисы, старушка, месяц назад, переехала во вдовый дом.

Мы брели через всё поселение. Яхр с трудом переставлял ноги и сильно заваливался на меня, но идти всё равно было легче, чем в прошлый раз. Я видела, как из-за занавесок подглядывали родовичи. Одним было интересно, другим страшно. В племени упорно ходили слухи о том, что всё происходящее со мной и Яхром – не к добру.

Выйти нам на встречу осмелилась только моя мама. Она, с корзиной в руках, поджидала нас у тропы. Её фигура, закутанная в домотканый плат, сливалась с сумерками наступающей ночи и казалась маленькой и сгорбленной.

У меня защипало в носу. Я, дёрнувшись к маме. Хотелось её обнять и уткнуться носом в пахнущие ромашкой, мамины, волосы, погладить её руки и. разреветься, не боясь осуждения.

Но Яхр, неожиданно сильно ухватил меня за плечо.

– Не бросай меня, – прохрипел он, безуспешно пытаясь выпрямиться.

Мне стало обидно, как он мог такое подумать:

– Не бросила раньше, не брошу и сейчас.

– Раньше – не было. Есть только сейчас, и может быть будет потом. Но это не точно.

Я остановилась, пытаясь осознать его слова и парень, качнувшись, стал сползать на землю.

Мама бросилась к нам, подхватила Яхра и, подставив плечо, помогла нам выпрямиться.

Дальше мы побрели втроём.

– Прости меня, дочка! Я так испугалась нежить. Только потом поняла, что ты осталась там. Хотела вернуться, но меня не пустили, – мама вздохнула.

– Что ты, мамочка! Всё правильно было. А вдруг он, – я скосила глаза на Яхра, – и правда нежитью бы оказался. Помочь, тогда, ты бы мне не смогла, а вот получить подселенца запросто.

Мама снова вздохнула:

– Ты приходи к нам с отцом, дочка, всегда, когда захочешь. Может надо что, или спросить нужда появится. Приходи, не бойся.

– Спасибо, мама! Конечно, приду, – ответила я, успокаивая её, зная, что нельзя мне в родительский дом, пока не состоится обряд свивания и не решат старейшины, где нам жить.

Мама помогла завести Яхра в дом и уложить его на лежанку. Я с удивлением увидела: соломенный тюфяк, набитые пухом подушки, лоскутное тёплое одеяло, чистые полотняные

покрывала и наподушницы.

Оглядевшись, я поняла, что к нашему приходу готовились: чистые белёные стены и печь, свежие занавески, полотенца и рушники, выскобленные до желтизны дерева стол и полы. Вдоль стен стоят, накрытые вязаными половиками лавки. На столе глиняная и берестяная посуда. В устье печи – чугунные горшки.

Я с недоумением посмотрела на маму. Она, засмеявшись, порывисто обняла меня:

– Мы днём, с Тифой, убрались тут. Не привелось вам пожить у нас, житейского ума разума набраться. Вот мы и решили хоть чуть – чуть подсобить вам. Утварь – твоё приданное и Яхра. Живите, дети, и будьте счастливы.

Мама поставила корзину на пол, в ней оказалась еда для нас, поклонилась и вышла.

– Кто такая – Тифа? – спросил Яхр.

– Мать твоя, – ответила я зло, а потом спохватилась, парень – то не виноват и добавила тихо, – вернее мать Яхра, была. Теперь твоя будет.

– Как нам ложиться спать? Мы же не женаты, нельзя в одной постели, – подумала я вслух.

– Ложись, не трону. Да и не в силах я сейчас к девушкам приставать. Не бойся!

Мне стало смешно. Я боюсь? Его?

– Запомни, мой будущий муж! Я никого и ничего не боюсь. Я, теперь, лучший ратник в дружине Дрозара и обидеть

меня может только студёный зимний ветер, кинувший в меня пригоршню снега. Хотя и тогда вывернусь. А ещё я верю, что в этом мире всё по воле Божьей, и если мне придётся лечь с тобой, то это – потому что так надо богам и предкам, а не потому, что ты такой сильный и страшный.

Я взяла подушку и легла на лавку. Жёстко, но мне не привыкать.

– Спи, Яхр! Утро – вечера мудренее.

Я помнила, что его, в том мире, звали Егор, но он здесь и пусть привыкает!

Тифа.

Егор плохо помнил своих родителей. Ему не было пяти лет, когда они погибли в автокатастрофе. Маленьким, он вглядывался в их лица на фотографиях и пытался вспомнить эмоции и чувства, связанные с этими людьми, но осталось только мимолётное звучание нежного маминого голоса и ощущение щекочащих папиных усов. Будучи подростком, Егор решил, что они его бросили, предали, обиделся на них и, забросив фотоальбом на верхнюю полку шкафа, стал жить своими понятиями. Наверное, бабушке, что воспитывала его, было тяжело. Но, ведь, не отказалась, не сдала в детдом. Как-то сумела справиться с его подростковыми закидонами, и именно бабушку, Егору было жаль больше всего.

Этот мир предлагал ему новых родителей. Егору они не нужны, но отказаться нельзя!

Тифа пришла утром. Ревнивым взглядом окинула Киму, но сразу поняла, что вместе они не спали. Смягчилась и, присевши на край лежанки, положила Егору на лоб руку.

– Ну, здравствуй сынок!

Рука была прохладная, в жёстких, от постоянного домашнего труда, в мозолях. Но Егор почувствовал, как на него перетекает тонкая волна материнской нежности и ласки, и ему стало так хорошо, что он подумал:

– Этот мир не так уж плох...

Но Тифа, вдруг, замерла, отдернула руку и, посмотрев в глаза Егору, почти простонала:

– Ты не Яхр! Ты чужак! – потом повернувшись к Киме, почти прокричала:

– Где мой мальчик, мой сынок?

Кима, помнила приказ старейшины и ответила спокойным голосом:

– Яхр, это! Не сомневайся Тифа. Просто он долго был между двух миров.

Тифа пристально посмотрела на Егора. Она видела перед собой сына, но не ощущала его. Мать погладила по кудрям того, кто лежал на месте её Яхра, и, покачав головой, встала.

– Бедный мой мальчик! Тело его, а душа чужая, – прошептала Тифа, осуждающе посмотрела на Киму и, заплакав, ушла.

– И в этом мире нет для меня мамы, – вздохнул Егор.

Мой мир – твой мир.

Каждое утро к нам приходила Гурия, приносила травяные отвары и настойки. Яхр морщился, но пил. Вечером, приходил Большой Зуб. Он, потрясая оберегами и завывая, изгонял из парня остатки смерти. Яхр буквально покрывался инеем, но терпел и скоро пошёл на поправку.

Я смотрела на него и понимала, что нет, не люблю. Мне его жалко.

– Можно ли женой возлечь с мужчиной, только потому, что его жалко? – думала я.

Но кто-то древний, сидящий в углу этого старого дома, нашёптывал: «Надо. Придётся!» И я понимала, что никуда мне не деться от этого.

Но кроме жалости, Яхр вызывал к себе уважение. Мне ни разу не пришлось выносить за ним горшок. Даже, когда был очень слабым, он упорно вставал и, опираясь на меня, нужду шёл справлять на двор.

– Не смотри, – ворчал он.

– Станный всё – таки тот мир, – думала я, поддерживая его, и делая вид, что отвернулась. – И что такого я увижу, чего ещё не видела?

За две недели, отпущенные нам на выздоровление, я много говорила. Столько, сколько никогда не говорила ни раньше, ни потом.

Я рассказывала про племя, про род, про свою и его семьи. Хлопоча по дому, показывала предмет быта, называя его и объясняя, как им пользоваться. Иногда Яхр, выкрики-

вал: «Это как у нас!» – и при этом очень радовался.

Когда я дошла до воинской службы, он оживился и стал задавать вопросы. Его интересовало оружие, одежда, правила дозора. При этом он часто использовал чужие слова: вооружение, обмундирование, караул, устав, довольствие. Вопрос: «Есть у вас дедовщина» – я вообще не поняла. Яхр попытался мне объяснить, что такое «дедовщина». От понимания стало противно и очень жалко тот мир. У нас младших, обучая воинским премудростям, гоняют до седьмого пота, но по делу и никогда не унижая их гордость.

Однажды, уже самостоятельно выйдя во двор, Яхр обратил внимание на то, что люди, заметившие его, стараются скрыться, спрятаться.

– Почему так? – конечно, спросил он.

– Боятся, что в тебе нежить. Вдруг посмотришь недобро, и покинет человека удача, красота или здоровье. Да мало ли что человек боится потерять. Меня из-за тебя тоже сторониться начали.

– Какая глупость, – хмыкнул Яхр. – Кто-нибудь, хоть раз, видел эту самую нежить.

– Сам ты глупый и мир твой глупый. А у нас и жить, и нежить – всё серьёзно.

– Ещё скажи, что и драконы у вас есть, и тролли.

Я засмеялась, глупо обижаться на глупого человека:

– Есть, конечно. Недавно мы с тобой видели золотого дракона. Говорят, что это – сам Император прилетал, – я по-

смотрела на парня и добавила, – Тогда Яхром был Яхр. И тролли, кстати, тоже есть.

– А эльфы?

–И эльфы есть, и гномы. А у вас, что, их нет?

– Нет, этих никого нет. Есть урки.

– О, орки у нас тоже есть, – я даже обрадовалась, что хоть чем-то наши миры похожи, но Яхр, почему-то обречённо махнул рукой. Мне опять стало его жалко и я, бросив стирку и вытерев руки о фартук, подседа к нему.

– Знаешь, в нашем краю, да говорят, что и по всей стране, твориться что-то непонятное, злое. Люди стали бояться чужаков. Многие после заката даже из дома не выходят, а уж на охоту или рыбалку тем более. Этой самой нежити и боятся.

Роковой дозор. Кима.

– Моё племя, ЛистИвичи,– рассказывала я, – охраняет границу Стерии (это – так наша страна называется). Мы много веков жили в мире с соседями. Зигурийцы, даже, торговать к нам приезжали. И на границе тихо было. Нести дозор там скучно: редкая роща берзы, да овраг, заросший метельником. Добираться туда долго, с ночёвкой в лесу, поэтому смена дозорных уходит на целую седмицу. На кордоне хорошо: рубленый дом с печью, лежанки для десятерых дозорных, стол, лавки и всякая разная утварь.

– А как же вы – мужчины и женщины вместе служите? В одном помещении спите, а в туалет как ходите? – удивился Яхр.

– В службе нет мужчин и женщин. Там все мы ратники. А в туалет по очереди ходим, да и нет ничего стыдного в справлении нужды.

– А ... секс между вами бывает?

Я сначала не поняла, о чём он спрашивает, но у него было такое лицо, что меня, аж в жар бросило.

– Этим у нас занимаются только связанные нитью выбора и после обряда брачевания, – ответила я резко. Мы с тобой, например, связаны и скоро нас поженят.

– Хорошенькая перспектива! – Яхр посмотрел на меня так, как смотрят на ярмарочную безделицу, которую обязательно надо купить, но она не очень нравится. В душе царапнулась обида. «Вот козёл!» – подумала я и замолчала.

– Так, ладно, про это – потом. Давай дальше про дозор, – поторопил меня Яхр.

Я, помня наставления Дрозара, проглотила обиду и стала рассказывать дальше.

– В тот раз, всё было как всегда. Но на седьмой день, к вечеру, все почувствовали, что как-то по-другому дует ветер и пахнут травы. И самое главное – стало очень тихо. Но ведь – весна! Должны петь птицы, стрекотать кузнечики. Недалеко от заставы плюхается болото, и там всегда, весной, орут люхвы. Всегда, но не в тот день. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как бьётся собственное сердце.

Я тогда не была привязана к тебе, т.е. к Яхру, и в напарниках у меня был Аника – рыжий, весёлый парень из Щук.

Мы патрулировали свой участок, время от времени, дроздом перекрикиваясь с другими патрулями, и когда, вдруг, закричала сойка, спрятались в схронах на нашей стороне оврага, и стали наблюдать за зигурийской стороной.

...Они вспыхнули сразу все. Огоньки. Каждый как факел. Маленькие. Синенькие. Как те, что появляются на болотных трясинах, над местом, где утоп человек. Их было очень много.

Не могу сказать, что стало страшно, но мурашки по спине пробежали.

Огоньки сначала колыхались на месте, а потом двинулись в нашу сторону. Мы зажгли факелы. Против нежити нет ничего лучше живого огня, и они остановились на краю оврага. Мы выдохнули и, вдруг, один, ярко вспыхнув, стал спускаться вниз. Следом за ним не загорелась ни одна травинка. Огонь был магический и его никак нельзя пропустить на нашу территорию.

Я, оторвав, полоску ткани от рубахи привязала кусок к наконечнику стрелы. Когда же огонёк пересёк рубежную линию, заклинанием Малого огня подожгла тряпицу, прицелилась, выстрелила и чётко попала в цель. Огонёк вспыхнул жёлтым, словно вскрикнул, и погас. Через мгновение мы слышали плач. Надрывно плакал ребёнок, не младенец, а возраста трёх-четырёх лет. Огни с той стороны погасли, а плач остался. Это вынимало душу и сводило челюсти до скрипа зубов.

Всю ночь мы просидели с зажжёнными факелами. Утром ребёнок замолчал.

К часу утренней птицы подошла наша смена. Мы были собраны с вечера, поэтому, передав вахту, отправились домой. На ночёвку остановились на заимке. Бессонная прошедшая ночь и длинный дневной переход быстро уложили нас на лежанки.

Меня разбудил плач. К всхлипываниям добавились стоны, и казалось, что плачет сама наша сторожка.

Никто не спал. Понимая, что дальше так продолжаться не может, я взяла боевой топорик, сунула ноги в сапоги и направилась к двери.

– Пришла за нами сюда, пойдёт и до поселения.

– Не ходи! Это – нежить, простым оружием её не возьмёшь! – попытались меня урезонить товарищи, но, осознавая опасность для племени, тоже начали подниматься с лежанок.

– Я её убила, мне и отвечать. Пушу перед собой заклиняние отвода глаз. Может, не разглядит.

– Подожди, пойдём вместе! – окрикнул меня Аника.

Он схватил меч, обулся и мы шагнули за порог сторожки. Плач стал громче.

– Ты – направо, я – налево, – прошептал Аника и перехватив поудобнее меч, пружинистыми шагами пошёл вдоль стены.

Я, проводила его взглядом до угла, проговорила заклиня-

ние отвода глаз и таким же осторожным шагом двинулась направо.

Я шла вдоль стен, влепляясь спиной в брёвна, и казалось мне, что в плач примешивается смех. Жуть! Вытерев выступивший на лбу пот и уняв в руках дрожь, я замахнулась топориком и завернула за угол. Никого. Иду до следующего угла. И, вдруг, плач прерывается. «Аника!» – мелькает в мозгах и становится страшно. Не за себя – за друга. Обегаю сторожку и нахожу его перед дверью. Парень, как всегда, открыто улыбается, сверкая зубами:

– Ну, вот и всё, можем отдыхать.

Уже, зайдя в дом, Аника рассказал, что увидел белёсое пятно, что ткнул в него мечом, и что оно развеялось без следа.

С первыми лучами солнца, решено было трапезничать на скорую руку и двигаться дальше, всё равно уже никому не спится. Мы понимали, что придём рано и очень этому радовались. Ведь день был ярмарочный. Мне очень хотелось купить ту голубую свистульку, что присмотрела прошлый раз.

Мы зашли в ворота. Вожатый отправился с докладом к Дрозару, а мы разбрелись по ярмарке. Я и Аника пошли к гончарным рядам. Нам улыбались, мне – как подружке, ему – как возможному жениху.

Я не поняла когда, но лица соплеменников, вдруг стали испуганными. Люди закричали и, показывая на нас пальцами, стали разбегаться.

– Что это с ними? – удивилась я, поворачиваясь к напарнику.

Тем, что я увидела, можно пугать не только детей, но и взрослых.

Аника, разрастался в высоту и в ширину. Вот он, уже, выше меня на две головы, и вдвое шире самого широкого дружинника. Но у упругости человеческой кожи есть предел, и она начала лопаться, брызгая во все стороны кровью. Из-под обличия парня на свет вылезал огромный чёрный медведь. Он с рёвом стряхивал с себя остатки Аники и широкими шагами шёл в самую ярмарочную толпу.

Теперь, я не слышала, как кричат люди. В голове стучала кровь и мысль о том, что Аника умер! Умер ночью на заимке. И где-то там витает его душа.

Я вытащила топорик, размахнулась и вращательным движением отправила его в огромный череп медведя. Оружие вошло по самую рукоятку. Медведь оглянулся, полыхнул красными глазами, рявкнул, попытался меня сграбастать, но, не достав, продолжил свой путь. Подоспели другие ратники. В медведя полетели стрелы, дротики и камни. Он немного притормаживал, что давало людям возможность убежать. Но он – нежить, а её обычным оружием не возьмёшь.

Побросав имущество, разбежались продавцы. И только торговка свистульками, пыталась собрать свой грошовый товар. Медведь радостно рыкнул, в одно мгновение оказался

перед женщиной, схватил её за шиворот и свернул ей шею. Затем, жадно и смачно чавкая, стал, её есть. На наши попытки его убить, он не обращал внимания. И только когда прибежал Большой Зуб и стал забрасывать зверя заклинаниями абсолютной смерти, медведь остановился в своём кровавом пире, покачнулся, упал и умер, весь истыканный стрелами, и дротиками, и с моим топором в голове.

... Я посмотрела на Яхра. Он слушал очень внимательно и, кажется, даже не дышал.

– С тех пор всех, кто ночует в лесу, сначала шаманы проверяют на подселенцев. Трёх охотников, так и не пустили в племя, хоть они и уверяли, что чистые. Да, и с дозорами теперь шаман ходит. Обязательно.

4 глава

Служба

Новобранец

– Ты, главное, не говори слова из того мира, и будет всё хорошо, – наставляла его Кима. – Молчи больше. Слушай. Парни иногда по своему говорят, поэтому, всему я тебя научить не смогу. Если не знаешь чего-то, то скажи, что забыл. Они рады будут тебя поучить. И, наверное, прозвище придумают. Ты, уж, не обижайся.

Они стояли одетые, на пороге домика, в котором провели две недели. Кима говорила, что ещё сюда вернутся, но уже мужем и женой. А пока пора возвращаться в ратный дом. Каждому в свой.

Егор был готов к новой жизни и не волновался совсем. В своём родном мире он прошёл уличные драки – двор на двор, армию (войска РХБЗ) и студенческую общагу. Он умел дать отпор зарвавшемуся быдлу и, уж, на прозвище явно не обидится.

Яхр и Кима вместе дошли до частокола, пожали друг другу руки, а дальше, каждый пошёл к своему «общежитию».

Ратники вставали рано. В любую погоду, в одних нижних штанах, босиком, они свой день начинали с ныряния в реку. Зимой для этого вырубалась прорубь, а в остальное время прыгали с мостков. Затем разминка на скорость и завтрак. Совсем даже не лёгкий, с большим количеством мяса, яиц и хлеба. И весь день полон воинских наук.

Яхр пришёл, когда ратный дом только просыпался.

Дрозар встретил его во дворе, Сурово оглядел с ног до головы и процедил сквозь зубы:

– Пока не узнаю, что умеешь, будешь спать среди перво-годок, на первом этаже.

Свободной оказалась лавка прямо напротив двери.

– Хорошо, что не у параша, – пошутил про себя Егор.

Он видел, как на утреннюю разминку шустро и шумно собирались мальчишки одиннадцати лет. Ребятишки, до упора затягивали завязки на штанах, со смехом вспоминая какого-то Ольгера, с разбегу прыгнувшего в реку и оставшегося без порток.

Егор слушал их, жадно впитывая местный сленг, когда пе-

ред ним остановился парень его возраста.

– А, ты, что, верзила, сидишь? Ждёшь пока тебе покланяются? Снимай рубаху, подвязывай портки и на двор! – парень говорил не терпящим возражения голосом.

– Старшина, наверное, – решил Егор, не стал спорить и через мгновение стоял в строю среди малышни, возвышаясь над ними почти на половину корпуса. Мальчишки хихикали, «старшина» пытался скрыть улыбку. Дрозар ухмыльнулся, но оставил всё как есть

– Бегом марш! – скомандовал «старшина». И мальчишки сломя голову, но строем, побежали на берег реки.

– Быстро, однако, – подумал Егор, приноравливая свой шаг к скорости мальцов.

Он, не раздумывая, с разбега, нырнул вниз головой, вызвав восхищение пацанов. Речная вода обожгла кожу, взбодрила голову и даже, стало как-то по особенному радостно, словно он плавал не в холодной лесной реке, а в тёплом Чёрном море. Егор открыл под водой глаза и увидел, как солнечные лучи, пройдя сквозь толщу воды, обволакивают его тело, и почувствовал как медленно, но верно уходит тоска по миру Земли.

Егор вынырнул, подняв облако брызг. Он ощущал счастье:

– Мир Стерии, я твой! – вдруг искренне прокричал Егор.
Снова в строю

В ратном доме меня встретили радостно. Произшедшие

со мной и Яхром события, заставили девчонок забыть о единственной в этом году привязке. На моём месте никто не хотел оказаться.

Кто-то похлопывал меня по плечу, кто-то даже чмокал в щёку. Дия же – моя подруга, невысокая, конопатая с толстыми рыжими косами, бросилась ко мне на шею.

– Кимка, как же я рада, что ты сама выпуталась и его спасла, – она плакала, всхлипывая мне в ухо. – Я бы, наверное, не смогла!

– Жить захотела – смогла бы! – уверила подругу я, крепко её обнимая.

– Хватит мокроту разводить! – гаркнула наша вожатая Мара. – Бегом марш!

И я, закинув котомку в угол, выскочила вместе с девчонками во двор и понеслась на озеро, начинать новый день.

Девы окунаются в озере. Бежать туда дольше, но считается, что там вода теплее и зимой безопаснее. Меня всегда злило это потакание девчачьим слабостям, но я понимаю, что смущать парней видом женских прелестей, обтянутых мокрой рубашкой не стоит.

Мы с визгом, смешав строй попрыгали в воду. Я всегда любила плавать. Вот и сегодня, широкими взмахами поплыла прочь от берега, доплыла до середины и расслабилась. Лежала на спине на водной поверхности лесного озера и наблюдала, как с первыми солнечными лучами, загораются на утреннем небе силовые магические потоки. Мой мир при-

ветствовал меня!

Когда я выбралась на берег, то меня ждала только Диля. Остальные, под командованием вожатой, убежали в расположение дружины. Чтобы не замёрзнуть и быстрее высушить волосы, мы, как всегда, применили заклинание летнего тепла и расплели косы, тоже, побежали в ратный дом.

День – как день, обычный. В первой половине дня старшие укрепляют свои навыки и обучают младших. После обеда и непродолжительного отдыха - время поединков.

И парни и девы собираются на центральную площадь Вереславля. Приходят и просто жители. Сначала борются младшие. Забавно, иногда смешно, но все мы с того начинали. Когда в круг вызываются опытные бойцы, зрители полностью погружаются в рисунок учебного боя и вспоминают свою юность, проведённую в ратном доме. Подтягиваются животы, азартно блестят глаза и видно, как у матёрых мужчин и дородных женщин, в такт движениям бойцов, начинают двигаться плечи. Каждый переживает за бойца своей семьи. Когда один из напарников поверженным падает в пыль круга, площадь вздыхает. И ни разу не было ни одного радостного возгласа. Все представляют, что человек пал в бою.

На поединках, конечно, командует Дрозар. Сегодня, после боёв между младшими, он вызвал две пары парней и пару девушек. Потом, медленно обведя глазами присутствующих, остановился взглядом на мне. Что будет дальше, я поняла сразу.

– Кима. Яхр. – прозвучало над площадью.

Люди ахнули.

Мы стояли лицом к лицу и словно впервые встретившись, рассматривали друг друга. Я встала в боевую стойку, а Яхр улыбнулся.

– Я не быю женщин. Даже, если они хотят драться! – вдруг громко и чётко сказал он и заправил большие пальцы рук за пояс штанов.

– Тогда защищайся, – прошипела я и, крутанувшись в прыжке, направила в сторону носа Яхра свою правую пятку.

Он, не меняя позы, чуть отклонился назад и моя нога пролетела мимо его лица. Я пыталась достать Яхра руками, ногами, головой. Он же, ловко уворачивался, и наш поединок был похож на обрядовый танец вокруг костра. И всё-таки, бережно передаваемый боевой опыт моего рода, превозмог воинские навыки его мира, и я смогла! Вывернувшись, в рывке перескочила на руки и со всего маха, ногой, врезала Яхра по уху. Он пошатнулся, но вдруг, тенью метнулся ко мне, схватил на руки и впился ртом в мои губы. Я пыталась вырваться, но парень крепко меня держал, и мне пришлось сдаться. Первый раз в жизни!

– У нас так не делают, – прошипела я, когда отдышалась и смогла говорить.

– А мне всё равно! – прошептал он мне на ухо, опустил меня на землю, а потом громко, так чтобы слышали все, прокричал – Я не быю женщин. Я их люблю!

Площадь Вереславля, полная людей разных возрастов, молчала. Ни крика, ни шёпота, ни смеха. Казалось, что люди окаменели.

И что с ним с таким делать?

– Да, паря, наделал ты дел! Наверное, и правда сильно башкой стукнулся!

Яхр сидел на своей лежанке в ожидании последствий своего неподобающего поведения. Перед ним стоял «старшина».

– Дрозар тебя зовёт. Иди сейчас.

Яхр встал, готовый к нагоняю, но «старшина», вдруг, протянул ему руку:

– Спиридоном меня зовут. Мы раньше с тобой друзьями были.

– Были, есть и будем – и Яхр с оптимизмом пожал руку новому-старому другу.

Уже спускаясь с крыльца ратного дома Егор подумал: «Есть контакт!»

В доме вождя, за накрытым столом, его ждало всё местное руководство. Удивительно, но obsługi не видно. За то небольшое время, которое Егор провёл в этом племени, он не успел разобраться в устройстве общества, но понял, что данный социум стремится к максимально-возможному равноправию. Людей, которые сидят за этим столом не назовёшь элитой. Они пашут наравне со всеми и реально сильные на своей стезе, а значит лидеры, и поэтому за ними идёт

народ.

– То, что ты сделал, – Дрозар начал первым, – в нашем мире запрещено. Тебя, от расправы со стороны родственников Кимы, спасла привязка выбора. Иначе быть тебе убитым. Совсем.

– Значит целовать нельзя, а бить можно? – попытался парировать Яхр.

– Ну, Киму не так просто побить. Я знал, что делал.

– Нам теперь надо народу объяснить произошедшее. Поселение гудит словно пчелиная борть – проворчал Коклан.

– Можно же сослаться на мою черепно-мозговую травму. Мол совсем полудурком стал.

– Говори по нашему! – рывкнул Большой Зуб. – Плохо тебя Кимка учила!

Яхр поперхнулся собственным остроумием и, подумав, исправился:

– Сильно стукнулся головой, когда в пропасть падал. Стал немного глупым.

– Да, уж! Куда тебя такого глупого теперь девать? – усмехнулся Дрозар, потом помолчал и продолжил. – Сегодняшний бой Киме ты проиграл. Все видели, как она тебе ухо в голову впечатала, но все видели и то, как ловко ты двигался, когда уворачивался от её ударов. Многие приёмы даже я не смог рассмотреть. Как называется твой бой?

– Самбо, – ответил Яхр, с благодарностью вспоминая своего тренера Ивана Петровича из СДЮШОР N 2, который го-

нял его до седьмого пота. «Вот и пригодился мне мой «Мастер Спорта», – подумал Егор.

– Сегодня переезжаешь, наверх. Привыкаешь разговаривать и вести себя по нашему, – продолжил Дрозар. – Завтра с утра всех начинаешь обучать самбо.

– Всех!? И девушек? – Егору это не нравилось.

– Всех! – рявкнул Дрозар. – Иди. Спиридон знает.

«А ведь я ему нравлюсь!» – подумал Егор, расслышав в глухом рокочущем разговоре вождя, некие интонации благосклонности.

Он не знал, что после того, как за ним закрылась дверь, Коклан, почесав макушку сказал:

– Сдаётся мне, что скорее наши научатся его говору и привычкам, чем он нашим. Слишком много в нём свободы.

– Выполнит то, для чего его сюда прислали боги, и отпустим на все четыре стороны, – подвёл итог шаман.

И только Дрозар подумал: «А как же Кима?»

....

– Что ты делаешь? – спросил малец-сосед по лежанкам, с интересом наблюдающий, как Яхр своё имущество, состоящее из двух полотенец, смены рубах и мыла, укладывает в котомку.

– Всё! Ухожу я от вас! Дембель у меня, – радостно ответил Егор.

– Дееем-бееель – растягивая гласные, попробовал мальчишка новое слово. И именно это слово из непонятного язы-

ка, стало прозвищем Яхра.

Первые перемены. Кима

– Ну, и как это? – спрашивает Диля, со странным выражением глаз заглядывая мне в лицо.

– Что «это»? – не понимаю я.

– Конечно-целоваться! Одна ты всё время думаешь про драки. Остальные думают про то, как бы поскорее замуж выйти.

Я хотела обидеться, но посмотрела на покрасневшуюся подругу и подумала: «А правда, как?» Через негодование вспомнила свои ощущения.

– Немного больно, но приятно.

– Я так и знала – приятно ! То-то ты потом притихла.

Мне захотелось залепить ей в нос. Стало стыдно, и чтобы уйти от неприятного для меня разговора, спросила:

– Что это огородили в дальнем углу площади? Там раньше никаких построек не было.

С лица Дили медленно сползло мечтательное выражение. Она, нахохлившейся курицей, посмотрела на меня, но вспомнила, что мы – подруги и махнув рукой, вздохнула.

– Там шаман огородил те-ле-порт. Ходить туда нельзя никому! Это – типа волшебного коридора. Его открыли почти сразу после вашего возвращения. Ты, оказывается, какую-то нужную для этого штучку принесла. По нему к нам могут прийти люди прямо из Левондила.

– Из столицы? – не поверила я. – И что, приходили уже?

– Два раза приходил какой-то главный волшебник. Он кстати тебя навещал, когда ты была почти мёртвая. А ещё, он научил наших шаманов, открывать пор-тал. Большой Зуб сказал, что теперь не надо долго идти по лесу – просто открываешь портал, и ты уже в Бриме. Знаешь Брим?

Я кивнула. Что такое Брим я знала. Однажды, когда ещё маленькая была, мы, всей семьёй, ездили туда на ярмарку. Ехали долго. Очень устали. Да и город мне не понравился: мало деревьев, много людей, пыль, шум. Только фонтан и впечатлил. «Вот бы нам такое!» – подумала я тогда.

– Говорят, что скоро к нам сам Император те-ле-пор-том придёт. А старые люди думают, что это всё не к добру, – шёпотом закончила Диля.

Дракон, тролль, конская голова, хижина Гурии, обряд отвязки, Яхр-не-Яхр, вонючая шкура росوماхи, дом Селиссы, осуждающие глаза Тиффы, телепорт, портал, новая борьба, поцелуй на площади, император, чужой волшебник – всё смешалось в моей голове.

– Ну что же, поживём – увидим: что к добру, а что к горю, – решила я и подхватив котомку, которая до сих пор валялась в углу, отправилась спать на второй этаж.

Совсем не маг

Самое удивительное в этом мире для Егора, конечно, было наличие магии. Она гармонично вплетена в само мироздание и встречается повсеместно, даже на бытовом уровне.

Увидев, как Кима разжигает дрова, Егор даже не сразу по-

нял, как она это сделала. Девушка сложив пальцы в «щелбан», резким движением отправила в печь искру. Дрова загорелись сразу. Ярко и весело потрескивая.

Он видел, как она подманила к себе, закатившийся под лужанку клубок, как вращательным движением пальца собрала паутину в дальнем углу, при этом выкинув паука на улицу. Магия использовалась часто, но ручного труда всё равно было больше.

– Почему так?– спросил Егор.

– Считается, что сделанное руками – сделано от души. А магия – так, в помощь.

Егор так искренне удивлялся и восхищался, что Кима попыталась его научить. Парень честно выполнял всё, что ему говорили делать. Выучил несколько заклинаний, придумал жесты, чтобы их прикрепить, но никак не мог понять, какие такие магические потоки в своей ауре надо увидеть, и как можно расфокусировать зрение?

– Ты совсем не маг, – вздохнула Кима, после многих попыток Егора разжечь огонь. – Даже самое простое заклинание у тебя не получается.

– И что теперь? – заволновался Егор.

– Ничего. Будешь жить как все немаги. Таких мало, но их ценят. Говорят, что они как-то по особенному думают.

Участвуя в учебных боях, Егор обратил внимание, что здесь магия не применяется. Хотя он видел как ребята сушили заклинанием портки и волосы после утреннего купания.

– А что боевой магии нет? – спросил он у Кимы (им не запрещено было видаться).

– Есть, конечно. Но ею пользуются только маги высшего ранга и то, после разрешения от Императора.

– А как же вы, простые воины?

– Каждый из нас, – она посмотрела на Яхра и исправи-
лась – почти все, владеют и оборонительными заклинания-
ми и заклинаниями атаки, но знают, что использовать их на-
до очень осторожно. Враг, стоящий перед тобой может быть
энергетическим вампиром. И тогда твоё заклинание станет
для него едой. И, конечно, он станет сильнее. А использовать
магию против соплеменника – недопустимо, даже в шутку.

Другие люди

Сегодня, через три недели после перемещения в этот мир,
Егор увидел большую магию.

Он наблюдал за тренировкой младших девчонок, когда
почувствовал, как его сзади толкнули. Оглянувшись с жела-
нием огрызнуться, увидел как прямо за ним надувается про-
зрачный пузырь. Поверхность субстанции была нестабильна
и перетекала от центра к краю.

– Что за хрень!? – рвалось наружу, но вспомнив, что он,
вроде как учитель, сдержался, отошёл в сторону и встал в
боевую стойку.

Девчонки заверещали и попытались спрятаться за ним.
«Уважают!» – хмыкнул он про себя и увидел, как наблюдав-
шая за ними Кима, резким движением, натянула до упора

лук.

– Кимка, стой! Это портал! – завопила, рванувшаяся к ней наперерез, рыжеволосая деваха.

Пузырь плавно раскрылся и из него, как из стеклянного коридора, выходили вполне себе респектабельные люди. И только увидев последнего, Егор не сдержался:

– Оху... – вырвалось у него, но сумев проглотить окончание неприличного слова, выдохнул – Это ж Терминатор, только зелёный!

– Это орк, – пискнула, выглядывающая из-за его спины девчуля. – Какой страшный!

Орк, играя мышцами, оглянулся на Яхра.

– Белобрысая козявка, – буркнул он.

Ответить Егор не успел. Спиридон, хлопнул его по плечу:

– Пойдём. Дрозар велел их сопровождать.

Пришлые пол-дня бродили по окрестностям, что-то измеряли, что-то потом записывали. Вечером, стоя у подножия сторожевой башни и наблюдая закат, тот, что был за главного подвёл итог:

– Местность, конечно, красивая, но очень уж пересечённая. Сплошные овраги, болота, да и скала – единый гранитный монолит. Дороги трудно будет проложить: и шоссейную и тем более железную, даже с использованием магии. А сейчас надо побыстрее.

Егора словно током стукнуло! Человек – то не по местному разговаривает!

– Зато, на скале хорошо встанет вышка мобильной связи,
– сказал он громко.

Человек медленно повернулся, встретился глазами с Егором и протянул ему руку:

– Кирилл. По местному Сантор, – представился человек.

– Егор. По местному Яхр. И много здесь наших?

Они оглянулись на окружающих их людей.

– Ты четвёртый, кого я знаю – Кирилл почти шептал. –
Здесь не поговорить. Мы в Брим тянем железнодорожную
ветку. Приходи порталом. Там и поговорим. Я шаману ска-
жу, чтобы проводил тебя.

Кима.

Я сидела на пороге дома и, обтачивая стрелы, наблюда-
ла за тренировкой первоодок. Они под руководством Яхра
осваивали самбо. Ему очень не нравилось тренировать деву-
шек, потому что приходилось хватать нас за руки, за ноги,
за шиворот. Он тяжело вздыхал, что-то там про себя бубнил,
но ни разу ни одну не швырнул на землю.

– Смысл самбо, – поучал он нас, – заключается в исполь-
зовании силы и веса противника против него самого. И по-
казывал зацепы, подсечки, подножки.

Приёмы мы отрабатывали в спаринге (новое слово) с пар-
нями. Вот уж кого он не жалел. Мальчишки – от мала до ве-
лика, ходили в синяках, но никто не жаловался. Было замет-
но, насколько выросло наше боевое мастерство с этой новой
борьбой.

Когда я увидела раскрывающийся за Яхром пузырь, то не раздумывая схватила лук и вложив стрелу, натянула тетиву до упора. Я знала, что не промахнусь, и у девчонок будет мгновение, чтобы убежать.

– Кимка, стой! Это портал! – завопила Диля.

Стрела остановилась на вылете, а я с интересом рассматривала пришедших. Мне понравился эльф: яркие белые волосы, голубые глаза, высокий, стройный, с колчаном полным стрел и луком в полный свой рост. Вероятно, он почувствовал мой интерес и, проходя мимо, слегка поклонился:

– Геонас – представился он и улыбнулся.

Мне, вдруг стало жарко, и я нахмурившись отвернулась. Эльф рассмеялся.

Диля злилась на меня.

– Ну почему, красивые мужики на тебя смотрят? Я эльфю тоже улыбнулась, а он – с тобой попытался познакомиться.

– А я ему не улыбалась! Я на него злилась!

Мне стало обидно. Чем я хуже? Хотя, никто мне не нужен!

Яхр весь день провёл с гостями, лазал с ними в овраги, измерял болота, простукивал скалу, на которой стоит наше поселение. Он был такой радостный, когда рассказывал об этом. Потом, вдруг, замолчал и серьёзно посмотрел на меня:

– Их главный, – сказал он шёпотом, оглянувшись, – из моего мира. Его Кириллом зовут. Мы с ним о встрече договорились.

Я посмотрела в его счастливые глаза:

– Уйдёт, – подумала я. – За Кириллом, этим, и уйдёт. И мне из племени придётся уйти. Уйти за нитью выбора.

Тайна вождя.

Вождь знал, что она никогда не станет его женщиной. Хотя бы потому, что он, никогда, не расскажет ей о своих чувствах.

Когда-то у Дрозара была жена. Белокурая нежная мягкая Ясмина. Нить выбора их связала, когда им было по 16 лет. Совсем дети, но они очень легко сошлись характерами, и жили счастливо и радостно. В 18 лет Ясмина понесла ребёнка, но никому ничего не сказала, даже Дрозару. Знала, что дома посадит, а ей, очень уж, нравилось в дозор с мужем ходить, хотя не было в ней ничего воинского: ни во внешности, ни в характере.

В том дозоре, они почти дошли до заимки, когда Ясмина, сделавшая с тропы шаг за понравившимся цветком, оступилась в вырытую зверем нору. Каким, никто и не знает. Дрозар бросился на помощь жене, но она смеясь, вылезла оттуда сама, а вечером её скрутило. Она стонала на лежанке, держась за живот и подогнув колени. Дрозар гладил её по голове, шептал целительные формулы, прижимался к ней, пытаясь забрать боль на себя. Ясмине становилось легче, она даже улыбаться начинала, но в какой-то момент Дрозар увидел, как под женой растекается кровавое пятно. И тогда он по настоящему испугался, не за себя, а за свою любовь. Кровь остановить не удалось:

– Не родится наш сынок, – простонала Ясмина и потеряла сознание.

Дрозар, с женой на руках, ночью, бежал по лесу к Вереславлю. Ему казалось, что рядом, раскрыв клюв и пророча беду, летит чёрная птица. И ему надо обязательно её обогнать, но Дрозар не успел. Вбежав в ворота Вереславля, он рухнул без сил на землю, лицом ткнувшись в живот уже мёртвой жены.

С тех пор у него на правом плече, много лет, сидела чёрная птица, но знали про это только Дрозар, Большой Зуб и Гурия. Дружина стала ему семьёй, а очаг для него горел только в ратном доме. И не было лучшего воина и удачливее охотника во всём племени. Женщин Дрозар жалел, и часто на Совете племени пытался доказать, что надо отменить традицию всеобщей ратной повинности.

– В дружину должны идти только те женщины, которым этого хочется, – доказывал он.

Но пока традиции были сильнее, и ратный дом, постоянно, пополнялся девочками, уронившими первую кровь.

– Им бы дома с матушкой шушукаться, о своём, о женском, а они портки натягивают, да ножи метают, – думал он.

В дозор с женщинами Дрозар больше не ходил.

Но однажды, птица, громко вскрикнув, улетела. Дрозар вздрогнул, оглянулся и увидел её.

Кима. И когда, только, вырасти успела?

Девчонка была совсем другая – высокая с толстой тём-

но-каштановой косой. В ней не было женской мягкости, сухопарое, хорошо натренированное тело, ловкие руки и сильные ноги. Взгляд её карих глаз был строгим и пронзительным. Дрозар, встретившись с этими глазами, почувствовал как перехватило дыхание и сердце пропустило один удар. Вождь влюбился.

– Пропадёшь! Тебе нельзя, – говорил шаман. – Предки вдовых не привязывают.

– Знаю, – огрызнулся Дрозар и взялся сам её обучать. – Чтобы никто обидеть не мог! – объяснял он другу.

Когда предки привязали её к Яхру, то вождь даже обрадовался:

– Хороший муж будет. Сильный, добрый, работающий.

И вдруг всё рухнуло в один день...

Солнце начало клониться к закату, а их всё не было, Дрозар начал волноваться. Задание лёгкое, ничего не должно случиться, но Яхра с Кимой всё не было.

Когда она, волочившая на себе парня, еле передвигающая ноги, появилась из-за поворота, Дрозар бросился ей навстречу. Рядом с ним, вновь, летела чёрная птица, но он успел, и Кима, уйдя в бессознательность, упала лицом не на камень тропы, а ему на руки. И он опять бежал к знахарке, бережно прижимая к себе любимую женщину, зная, что она никогда не будет его.

Дрозар понимал, что если Яхр умрёт, то Кима будет считаться вдовой. С неё снимут нить выбора и она будет свобод-

на. Совсем. Это шанс для Дрозара. Вдовы могут сходить-ся по обоюдному согласию. Такое бывает, но видать не с во-ждём.

Человек из чужого мира изо всех сил цеплялся за свою новую жизнь. Он нужен был племени, и ему отдали Киму.

– Так правильно! – решил Совет.

– Для кого? – пытался спорить Дрозар.

– Для племени! – жёстко поставил точку Коклан.

Судьба Кимы была решена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.